

1

Легкий весенний ветерок колыхает распускающиеся на деревьях листья, и я бросаю взгляд поверх крепостной стены Каркасона, древнего города на юге Франции. Поправив винтажные солнечные очки, которые купила на прошлой неделе в Милане, я делаю последний глоток горячего шоколада, а потом отправляюсь обратно на шумный рынок, где меня дожидается Винсент — с растрепанными ветром волосами и...

«Внимание, пассажиры. Экспресс “Бейнбери” прибывает на тринадцатый путь».

Объявление диспетчера врывается в мои фантазии. Я с ухмылкой захлопываю глянцевый журнал и сую его в рюкзак. Статья, которую я читала, называется «Побег от реальности» — прекрасно подходит к ситуации. Скоро я, в точности как героиня этой статьи, буду жадно разглядывать проплывающие мимо пейзажи из окна поезда, несущегося через всю Европу. В закладках у меня на телефоне — множество достопримечательностей, которые я мечтаю посетить, и маршруты ко всем лучшим пляжам. Переключив камеру на режим селфи, я изображаю улыбку и отбрасываю назад волосы. Оцениваю себя. У меня все получится. Лара Уильямс, версия 2.0. Лара, перерождение. Лара: Новое начало.

Я дружелюбна, профессиональна... и совершенно спокойна. Возможно, если повторить это еще несколько раз, я даже в это поверю. Я покупаю себе фраппучино и тащу чемодан к платформе, лавируя между растерянными пассажирами.

Я, конечно, ожидала, что «Бейнбери» будет впечатляющим. В конце концов, это пятизвездочный экспресс категории люкс. Но, хотя я и досконально изучила пафосные фотографии на сайте, я пораженно вздыхаю, когда поезд торжественно wpłyвает на центральный вокзал Кардиффа. Ясное дело, я не думала, что он будет похож на те поезда, на которых я в детстве добиралась в школу, — с дурацкими принтами из восьмидесятых на сиденьях и ароматом застарелой мочи... — но все же это нечто потрясающее.

Поезд мягко движется вдоль платформы, величественный, словно породистый жеребец. Его гладкие черные бока мягко поблескивают, а окна отбрасывают блики, словно алмазы под лучами февральского солнца. На мгновение мне даже кажется, что я ошиблась и этот поезд как минимум на уровень выше того, где кто-то вроде меня мог бы работать. Но подтверждение в виде каллиграфически выписанных золотых букв красуется на боках каждого вагона: «Бейнбери».

Сквозь оконные стекла мне удастся разглядеть ярко-алые бархатные сиденья, обшивку из полированного дерева и элегантные хрустальные светильники.

Просто обалдеть.

Я пришла раньше назначенного времени — по старой привычке; хочу заранее оценить обстановку и взглянуть на людей, с которыми буду работать. Когда поезд наконец замирает у платформы, я жду, что кто-нибудь сойдет, — но нет, двери остаются плотно закрытыми, и никаких пассажиров внутри не видно. Я нерешительно мнусь у ближайшего вагона, размышляя о том, стоит ли постучать. Но пару секунд спустя замечаю за окном

какое-то движение, и высокая женщина с аккуратными черными косами и серьезным лицом открывает дверь.

Она смотрит на меня сверху вниз, прищурившись:

— Лара, не так ли?

Ее акцент выдает в ней уроженку Южного Лондона. Я с облегчением улыбаюсь — мне-то представлялся будущим боссом какой-то напыщенный ехидный старикашка.

— Здравствуйте! Да, это я.

— Узнала вас по фото. Я Шошанна. Молодец, что пришли заранее. Отличное начало. — Она отходит в сторону и взмахом затянутой в белую перчатку руки приглашает меня внутрь, в полутьму вагона. — Добро пожаловать на «Бейнбери».

Следуя ее приглашению, я забираюсь внутрь, неловко таща за собой чемодан.

— Вещи пока оставьте здесь, — говорит она, — нужно дожидаться остальных. Я пока быстренько вам все покажу, чтобы было проще ориентироваться.

Мы вдвоем входим в, как я понимаю, вагон-ресторан. В воздухе стоит изысканный аромат свежих цветов. Судя по всему, это розы — мои бабушка и дедушка заядлые цветоводы, так что я в этом немного разбираюсь. Ноги глубоко утопают в мягком ковре цвета спелой сливы. Я сразу обращаю внимание на то, что от всего здесь веет уютом и радушием. Каждый предмет словно озарен собственным внутренним светом — от фурнитуры из желтого золота до деревянных панелей янтарного цвета, отполированных до зеркального блеска. Изящные хрустальные стаканы выстроились на зеркальных полках, а над ними, словно любопытные лебеди, вытягивают свои шеи замысловатые стеклянные светильники. В величественном буфете, отделанном шахматным узором из перламутра, покоятся несколько ведерок для шампанского, из черненого серебра. Обитые бархатом стулья с ярким павлиньим принтом аккуратно задвинуты под

столики, каждый из которых накрыт белой скатертью и украшен витражным светильником в стиле тиффани.

— Ух ты, — приглушенно выдыхаю я. У меня в буквальном смысле нет слов.

Шошанна фыркает:

— И не говори!

Она ведет меня по поезду, и с каждым новым вагоном роскошь все нарастает. Вдоль обеденного зала тянется блестящая барная стойка со столешницей из молочно-белого мрамора с золотыми прожилками. За ней расположено большое зеркало в стиле ар-деко, украшенное ярко-розовыми перьями в витражной технике. Перед стойкой идеальным полукругом выстроились барные стулья цвета розового золота, с пышными подушками игривого арбузно-розового оттенка.

— Это бар «Далия». А вот здесь, — мы проходим дальше, — лаунж-зона «Кедр».

Лаунж представляет собой уютное пространство, сочащееся роскошью: мягчайшие бордовые диваны, низенькие столики, на которых красуются дорогие на вид книги о моде и архитектуре. Арочные окна с золотыми рамами украшены вышитыми шторами, а пол — настоящий шедевр паркетного искусства: на нем переплетаются отполированные до блеска звезды из трех пород дерева.

— Далее — кофейная лаунж-зона «Азалия», — продолжает экскурсию Шошанна.

Эта простая формулировка совершенно не передает атмосферы старинной библиотеки, которая царит в этом месте. Художественно потертые кожаные кресла, антикварный барный столик в форме глобуса, кофейный бар со всем необходимым, кроющийся среди деревянных книжных полок ручной работы. Полки заполнены томами в кожаных переплетах, скрытыми филигранной золотой сетью — вероятно, для того чтобы сохранить

книги в целости, когда поезд придет в движение. А с самого верха за нами с надменным видом наблюдают чучела животных — прекрасно выполненные, хоть и слегка жутковатые.

Резким контрастом с кофейней-библиотекой оказывается заполненный светом и воздухом обзорный вагон, в интерьере которого преобладают кремовый, шалфейно-зеленый и вересково-фиолетовый цвета. Изысканные небольшие диваны и шезлонги выстроились вдоль хрустально-прозрачных панорамных окон. А в следующем, и последнем, вагоне ключевое место занимает сияющий концертный рояль, вокруг которого расставлены изящные золотые столики и табуреты, обтянутые черной кожей. Выведенное золотыми буквами название гласит: «Лаунж “Орхидея”».

Здесь Шошанна останавливается и делает широкий жест рукой.

— Что ж... Как видите, тут у нас стандартный набор для подобного поезда — вагон-ресторан, бар, несколько лаунжей. На борту есть шеф-повар, так что не волнуйтесь, готовить не придется. Пойдемте обратно — я покажу, где размещаются пассажиры и команда. Там вы сможете оставить вещи и переодеться.

В другом конце поезда, за общедоступными пространствами, пролегает сеть более узких и затемненных коридоров, устланных темно-синими коврами с золотистыми вкраплениями. С одной стороны располагаются закрытые двери из отполированного темного дерева. На каждой из них красуется табличка с каким-нибудь до смешного мудреным названием: «Купе “Амариллис”», «Купе “Джасинда”» или «Купе “Олеандр”».

Шошанна отпирает одну из дверей и предлагает мне заглянуть внутрь:

— Неплохо, да? Еще бы, за такие деньги.

У меня ощущение, словно я заглядываю в изящную коробочку с украшениями. Кожаный диван бутылочно-зеленого

цвета расположен напротив огромного панорамного окна, рядом с которым стоит низкий столик с несколькими хрустальными декантерами в форме лебедей. А в глубине купе, наполовину скрытая изумрудно-зеленой бархатной портьерой, виднеется кинг-сайз кровать от стены до стены. Кипенно-белое постельное белье выглядывает из-под вышитого покрывала. На мгновение меня вдруг охватывает граничащая с яростью зависть к тому, что некоторые люди могут позволить себе путешествовать *в таких условиях*.

— Когда все соберутся, я объясню, как приводить купе в порядок. А сейчас пойдемте посмотрим, где вы будете жить.

Мы проходим еще один пассажирский вагон, и наконец Шошанна отпирает дверь, которая ведет в более функциональные на вид пространства. Здесь не наблюдается особой роскоши, стены обычного грязно-белого цвета. Как и в предыдущем вагоне, слева я вижу ряд закрытых дверей. Однако расстояние между ними существенно меньше. Шошанна останавливается у первой из них — серой и невзрачной, без бронзовой таблички.

— Вот ваше купе. На самом деле вам повезло. Обычно персонал живет по несколько человек, но в этой поездке, как вы знаете, ограниченные условия. Минимальное количество персонала, пассажиров тоже меньше обычного — пока не доберемся до Таллина и не возьмем на борт основной экипаж и пассажиров по обычным расценкам.

Ее слова возвращают меня с небес на землю. Все это временно, и только поэтому мне вообще удалось заполучить такую отличную работу. Я подала заявку сразу же, как услышала об этой возможности от своих школьных друзей. Тогда казалось, что это идеальный способ провести первое свободное лето после выпуска — сначала поработать (но в роскошных условиях!), а потом «дикарями» добираться домой через всю Европу.

Неудивительно, впрочем, что из-за полного отсутствия нужного опыта мне почти сразу отказали. Но спустя несколько месяцев вынужденного безделья со мной вдруг связались представители компании — и предложили такое же место на экспresse, но в несезон. Это было пару недель назад. Всего две недели работы и вполне приличная оплата — хватит на то, чтобы вернуться домой с шиком. Я дала согласие через пару секунд, как открыла имейл. Как говорит моя подруга Кейси, в кои-то веки звезды выстроились правильно. Меня долго преследовали неудачи, но наконец появилась возможность все исправить, раз уж до мая все равно нечем заняться, кроме как ждать пере-сдачи экзаменов. Я надеялась, что работа поможет отвлечься от мыслей о том, что моя социальная жизнь за последнее время свелась к нулю и я маринуюсь в своей комнате, пересматривая «Сверхъестественное» и периодически объедаясь мороженым.

И в любом случае «несезон» звучало куда больше в моем духе, чем изначальное предложение. Как мне объяснили, я буду исполнять свои обязанности, пока «Бейнбери» будет вразвалочку катиться до Таллина. А там начнется основной маршрут и на борт взойдет профессиональная команда и пассажиры-толстосумы. Я же сойду и отправлюсь обратно в Уэльс — надеюсь, по дороге удастся урвать немного весеннего солнышка.

— Ладно, я пока что вас оставляю и пойду поищу остальных, — говорит Шошанна. Когда я забираю свой чемодан, она вручает мне стопку однотонной униформы и смотрит на часы: — Общее собрание в «Кедре» примерно через полчаса.

Открыв дверь, я стряхиваю с плеч тяжелый рюкзак и оглядываюсь по сторонам. Здесь я проведу ближайшие пару недель. Я вижу узкую, обрамленную металлом двухъярусную койку, немного напоминающую тюремную, узкое окно и побитый жизнью складной столик под ним, а также узкое, встроенное в стену кресло. Дверь напротив койки ведет в уборную — в ней унитаз

и небольшая раковина. Душевая, видимо, общая. Ну, по крайней мере, не придется ни с кем делить туалет — да и в целом после той роскоши, которую я недавно видела, все что угодно покажется недостаточным.

Я кладу чемодан на нижнюю полку и иду умываться. Затем быстро поправляю макияж, завязываю растрепанные светлые кудри в некое подобие пучка и переодеваюсь. Здешняя униформа — не совсем то, что я надела бы добровольно: черная юбка-карандаш до колен (которая, будем честны, мне тесновата) и белая рубашка со стоячим воротником. Довершает картину вычурный бордовый шарф, весьма недвусмысленно совпадающий по цвету с большей частью интерьеров поезда. И последний штрих — бейджик с моим именем. Я заправляю за ухо выбившуюся прядь волос и заглядываю в зеркало, изображая сдержанную улыбку. Меня саму поражает, какая серьезная и профессиональная на вид девушка смотрит на меня в отражении.

— У тебя получится! — строго напоминаю я ей.

Из соседнего купе внезапно доносится громкий удар — кто-то слишком резко распахивает дверь. Я подпрыгиваю. Прикрепляю к поясу старомодную связку ключей, которую мне всучила Шошанна, и выхожу посмотреть — чуть было не врезаюсь в высокую мускулистую фигуру с копной темных волос, торчащих из-под бейсболки. Мы встречаемся взглядами, и время словно замедляется.

— О. — Я на мгновение теряю дар речи. — Это ты.

2

— Вот так прием! — нараспев произносит Рис в своей привычной уэльской манере. — Угу, дела в порядке, Лара. Рад, что я здесь, спасибо, что спросила.

При виде него я теряюсь, и меня снова помимо воли затягивает в водоворот противоречивых эмоций.

— Извини, — бормочу я. — Просто не ожидала тебя увидеть.

На самом деле ничего удивительного. Ведь изначально мы подавали заявку вместе, и именно Рис нашел это объявление — в те времена, когда мы все с восторгом строили планы о том, как проведем первое свободное лето после школы. В доисторическую эру, когда мы еще были друзьями и вместе заглядывали в эту бездну свободы, которая ждала нас перед поступлением в университет и всем остальным, что случится в будущем.

Конечно, когда я отвечала согласием на имейл с предложением работы, в мою голову закралось подозрение, что и Рис тоже мог его получить. Я знала, что, как и у меня, у него выдался свободный год. Ему не нужно было пересдавать экзамены — что вы, Рис такого не допустил бы! — но он хотел подкопить денег, прежде чем занять свое законное место в Кембридже. И все же один только взгляд на него пробуждает уйму чувств, в которых

мне совершенно не хочется разбираться. Опасение, неуверенность... и даже надежду?

— Значит, тоже получила письмо? — спрашивает он. — Я собирался позвонить тебе и узнать, но... в общем, да.

К моему облегчению, он не стал продолжать мысль.

Сейчас он кажется мне незнакомцем, хотя больше года, до недавнего времени, мы были близкими друзьями. Мне страшно неловко, я не знаю, куда девать глаза и что делать с лицом, — а он так и стоит в коридоре, ожидая какой-то реакции.

Секунды проходят одна за одной, и моя шея постепенно краснеет. Я понимаю, что надо было позвонить ему, как только я получила эту работу, и даже еще раньше, но каждый раз, когда я собиралась это сделать, все слова, которые мне хотелось произнести, превращались в какую-то тарабарщину на незнакомом языке.

Соберись, Лара. Просто води себя нормально.

Я откашливаюсь:

— Ага, получила. Такую возможность нельзя было упустить, правда?

Приключение... способ отвлечься. А скорее, *сбежать*. Вот зачем я на самом деле здесь. Что ж, теперь сбежать будет сложнее — раз уж напоминание о моем недавнем прошлом расположилось в соседнем купе.

Он кивает на мою одежду:

— Я тебя еле узнал, честно говоря. Давно не виделись. Но, должен сказать, этот образ стюардессы тебе идет.

В его голосе слышны нотки обиды, что неудивительно. Я закусываю губу. В целом сложно его винить.

— Угу. Полагаю, мы оба были по уши в делах, — как ни в чем не бывало говорю я. — Я брала двойные смены в кофейне, чтобы накопить на обратную дорогу.

Его ответ заглушен грохотом открывающейся двери в другом конце вагона. За ней оказываются три человека — вероятно, наши первые пассажиры. Все трое — в дорогих спортивных пуховиках и с горными лыжами.

— Нет, Кэсс, нам точно не сюда. Очевидно же, это места для плебеев... — говорит высокий, светловолосый парень с симпатичным, хоть и невыразительным лицом, покрытым модным загаром. Тут он замечает меня, но совершенно не смущается этого: — О, привет.

Рис поворачивается ко мне и кривится.

— Доброе утро, добро пожаловать на «Бейнбери», — отвечаю я, мило улыбаясь, словно ничего не слышала. — Вы ищете пассажирские купе?

— Ага-а. Надо разгрузиться. — Он многозначительно показывает на лыжи. — Едем в Цюрих, чтобы успеть на закрытие сезона, вы же в курсе.

На самом деле я *совершенно* не в курсе. Он тянет слова, и голос у него скукающий, словно разговор со мной причиняет ему физическую боль.

Парочка, стоящая позади него, тоже как с обложки модного журнала. Девушка — светловолосая, с веснушками, гламурного вида, вероятно, его родственница. И парень с мрачным лицом, выразительными скулами и аккуратно уложенными гелем черными волосами.

За их спинами появляется Шоанна, нацепившая услужливую маску профессионального проводника.

— Позвольте мне, сэр. — Она жестом призывает их следовать за ней, что очень кстати, потому что я уже забыла, где пассажирские купе.

— Напомни, сколько всего пассажиров в этом рейсе? — обращаюсь я к Рису, когда те лыжники уходят, в тщетной попытке создать видимость нормального общения. — Их же

будет не слишком много? Несезон, легкий заработок и все такое?

Рис кивает:

— Ага. Шошанна сказала, что всего тринадцать пассажиров, но почти все они только на часть маршрута. И пятеро проводников. Обычное соотношение в индустрии обслуживания.

Мы, как было велено, направляемся в лаунж «Кедр» на встречу с остальным персоналом и падаем на мягкие бордовые диваны. Серый дневной свет льется в широкие окна. Итак, наши новые коллеги: смешливая девушка с огромными темными глазами и густыми черными волосами, заплетенными в причудливый колосок. Рядом с ней горбится загорелый мужчина постарше — у него короткие седые волосы, на голове бандана с узором «индийский огурец» и вообще вид такой, словно ему на все плевать: даже сейчас он зевает и отсутствующе пялится в телефон.

Шошанна занимает место во главе орехового кофейного стола, в кресле с высокой спинкой. На ее лице играет загадочная улыбка, и в целом она выглядит весьма довольной той властью, которую над нами имеет. Я с опаской смотрю на нее. Я видела у преподавателей такие лица, и это всегда плохо кончалось. Она передает всем пачку плотных кремовых листов, сверху на каждом золотым тиснением напечатано: «Бейнбери». Затем откидывается в кресле:

— Итак, всем привет, добро пожаловать в команду «Бейнбери». Вам очень повезло с этой работой — поверьте, нам предстоит лишь легкая прогулка до Таллина.

Я бегло пролистываю бумаги — это список гостей, базовая информация о них — аллергии, предпочтения в еде — и фотографии плачевного качества. «По моему опыту, это полностью зависит от гостей», — вполголоса мрачно комментирует мужчина

в бандане. Я смею предположить, что он и есть шеф-повар. Шошанна не обращает на него внимания и представляет всех:

— Как вы уже знаете, я Шош. Также с нами проводники Лара и Рис — как я понимаю, вы двое уже знакомы, не так ли? — Она нарочито подмигивает, а я увлеченно разглядываю свою обувь, не в силах встретиться с Рисом глазами. — Самира, тоже проводник, и, наконец, Карлос, шеф-повар.

Мы все обмениваемся неловкими приветствиями.

— Поезд ведет Терренс, машинист, он уже в кабине. Я с ним раньше работала — очень опытный человек. Но вряд ли вы будете часто с ним пересекаться — его купе находится рядом с кабиной, и обычно он предпочитает держаться сам по себе. — Она продолжает: — Теперь переходим к более важной части — нашим гостям. Трое спортсменов-горнолыжников, которые с нами до Цюриха, — Кэссандра Монтегю, Теодор Монтегю и Ксавьер Хенли-Ричардс. Они уже на борту. Что важно знать: у Тео непереносимость лактозы, а Кэссандра веганка. Надеюсь, для столь опытного шеф-повара это не станет проблемой.

Я замечаю, как Карлос закатывает глаза.

— Далее, предполагаемая *баронесса* Карлотта Винтерборн и ее племянница, она же компаньонка, Ребекка. У дражайшей баронессы очень строгая диета, Карлос, поговорим об этом позднее. Еще семья Чао, они до Лондона, и молодожены Мариотты — сойдут во Франции. И наконец, близнецы Гвендолин и Гвидион Ллевеллин. Они присоединятся чуть позже, ближе к британской границе.

Последняя пара похоронно таращится на меня с распахнутыми — у них такие белые лица и черные волосы, что фотография с тем же успехом могла бы быть черно-белой. Шошанна заканчивает свою речь:

— То есть всего тринадцать пассажиров на нас пятерых. Как вы все знаете, это ограниченный рейс — настоящая работа

начнется, когда мы доберемся до Таллина и возьмем на борт основных пассажиров, которые ждут пятизвездочного сервиса и прекрасных видов на обратном пути в Лондон. — Она кивает нам с Рисом: — Но вы можете об этом не волноваться — к тому времени вы оба нас уже покинете. Я скоро расскажу о ваших обязанностях, они несложные. Несколько гостей в последний момент отменили бронь, так что вам повезло. Теперь давайте все возьмем по чашке чая, и я покажу, чего стоит ожидать.

Следующие несколько часов мы с Рисом и Самирой скрупулезно повторяем за Шошанной, как наводить порядок в пассажирских купе. Каждое из них выглядит роскошнее предыдущего, с этими шелковыми покрывалами насыщенного темно-зеленого или оранжево-красного цвета и отполированной золотой фурнитурой в ваннных комнатах. Следом Шошанна в ускоренном порядке объясняет нам, как правильно пополнять бар и кофейный лаунж и накрывать на стол.

Наконец она хлопает в ладоши и с удовлетворением смотрит на нас — судя по всему, она довольна нашими знаниями.

— Хорошо, теперь к вопросу обслуживания. На сегодняшнем ужине работаем мы с Самирой — у нее больше всего опыта. А вы двое будете подавать напитки и внимательно наблюдать, чтобы завтра уже справиться самостоятельно.

Я грызу ноготь на большом пальце. Для Риса, который работал в семейном кафе практически с рождения, это не составит труда, а вот у меня (вполне заслуженная) репутация довольно неуклюжего человека.

Остальные пассажиры взойдут на борт в течение часа, и мы отправимся. Тем временем нам предлагают на обед печального вида лазанью-полуфабрикат в комнате отдыха для сотрудников. Это унылое и тесное помещение располагается в последнем вагоне, перед офисом Шошанны и кабиной машиниста. Здесь

грязные желтые стены и разномастная поломанная либо испачканная мебель из основных интерьеров поезда, вразнобой расставленная на фирменном синем ковре. Шошанна скороговоркой выдает очередной набор неразборчивых инструкций и куда-то торопливо уходит, оставляя нас неловко таращиться друг на друга.

— Вот это да! — восхищенно вздыхает Самира, откладывая вилку и качая головой. — Поверить не могу! Ничего себе условия у той половины, а? Я, конечно, работала в дорогих отелях, но там такой роскоши не было.

— Ну да, довольно круто, — рассеянно отзываюсь я, без аппетита ковыряя вилкой еду. Присутствие Риса все еще выводит меня из равновесия.

— Преуменьшение года, — отвечает Самира. — Вы же понимаете, что у нас будет, ну, свободное время? Планирую снимать убойного контента.

Рис дружелюбно кивает, листая страницы на своем киндле:

— Ясное дело. Хотя сомневаюсь, что нам будет позволено пользоваться локациями для гостей. Мы же за это не платим, в конце концов.

Я задумчиво хмурюсь. Об этом я не подумала. Мое купе такое крошечное, что одна мысль о том, что придется часами сидеть в нем в перерывах между сменами, вызывает легкую клаустрофобию. Возможно, вагоны для сотрудников специально такими сделали, чтобы никто не отлынивал от работы.

— Да и Шош вроде ничего, — продолжает болтать Самира. Она проводит идеально наманикюренным пальчиком по экрану телефона. — Я хочу накопить, чтобы пойти учиться на косметолога, а вы?

Я со стыдом рассказываю ей о будущей пересдаче, и она сочувственно кивает и хлопает меня по руке:

— Знаешь, упорство сильно недооценивают. Встать после падения и попробовать снова, вот это вот все.

Она мне уже нравится. Обычно я не такая молчаливая, просто после всего, что произошло за последние месяцы, от необходимости как ни в чем не бывало сидеть тут вместе с Рисом язык прилипает к нёбу.

В конце концов Самира оставляет попытки завести разговор, и следующие несколько минут мы сидим в молчании и слушаем звуки собственного жевания, периодически прерываемые хлопаньем дверей где-то вдалеке.

— Знаешь, на самом деле я рад тебя видеть, Ла, — вдруг произносит Рис с загадочной улыбкой. Но я все равно замечаю в ней тень обиды или как минимум легкий упрек. — Ведь и правда давно не виделись. Я даже задумывался о том, а можно ли тебе вообще сюда.

— Рис, ну серьезно, прекрати уже, — отвечаю я неловко. — Ты же знаешь, с этим покончено.

Самира улавливает тяжелое, точно лезвие гильотины, напряжение, повисшее над нами, и с понимающей улыбкой встает из-за стола, оставляя нас наедине.

Я бесцельно верчу в руках свой телефон. Так и есть, мы действительно давно не виделись — да и вообще я ни с кем не виделась уже целую вечность. Я в самом деле думала ему позвонить и узнать, будет ли он в этой поездке, — не зная, что я почувствую, обрадуюсь или захочу тут же отказаться, — но стоило мне открыть его номер у себя в телефоне и взглянуть на его фотографию, как тут же находился какой-нибудь повод не звонить.

А наша последняя встреча, около месяца назад, обернулась одним из самых ужасных моментов в моей жизни. Мы столкнулись в продуктовом магазине, где я подрабатывала в пекарне, чтобы накопить на поездку. Я ведь в любом случае собиралась убраться из города на какое-то время. Я первой его заметила и попыталась слиться с окружающим пространством и спрятаться за духовкой, чтобы он меня не увидел, особенно в той

дурацкой униформе, которая совершенно мне не шла. Он три раза позвал меня по имени, прежде чем я наконец поняла, что больше не могу его игнорировать, и поздоровалась. Мы мучительно обменивались какими-то нарочито вежливыми фразами, но постепенно становилось легче, словно заржавевшие шестеренки нашей дружбы снова медленно начинали крутиться.

— Слышал о пересдачах, — сочувственно сказал он, делая вид, что его очень интересуют багеты. — Мне жаль... Если бы я знал, попробовал бы помочь.

Я кривлюсь:

— Не стоит. Я сама виновата. К тому же со второго раза я сдам идеально.

Он осторожно посмотрел на меня. Я ждала, что он предложит помощь с учебой, расскажет, как дела в компании и что я пропустила, скажет, что Стиви, Кейси и Эйден постоянно обо мне спрашивают. Что все может стать как раньше.

Но ничего этого не случилось. Да и с чего бы? Я этого не заслужила. В конце концов, прежде чем он успел заговорить, нас заметила его мать и разразилась десятиминутной тирадой на тему того, как смеет такая, как я, подходить к ее драгоценному сыночку.

— Ну, ты... неплохо выглядишь, — выдавливаю я из себя, сиюсь держаться спокойно и собранно. И *сейчас* я действительно рада, что он в порядке — даже более чем в порядке, хотя и странно видеть его в чем-то ином, кроме его типичных мятых клетчатых рубашек и худи.

— Угу, все неплохо зажило, — отвечает он, машинально потирая щеку. Затем внезапно наклоняется через стол, заглядывая мне в глаза, в то время как его собственные кажутся неестественно зелеными в луче падающего из окна света. Внутри меня шевелится что-то болезненное и давно похороненное, и я сглатываю.

— Честно говоря, Ла, я не знал, что почувствую, если увижу тебя здесь. Я понимаю, что отношения у нас с тобой... непростые. Но ты действительно здесь, и я рад.

В его словах столько искренности, что я невольно улыбаюсь.

«Непростые» — *вот что* преуменьшение года. Но я все еще ощущаю отголосок прежней легкости, постоянного поддразнивания и веселой болтовни — того, что составляло фундамент нашей дружбы. И если он согласен меня простить, то я более чем готова пойти ему навстречу.

Я открываю рот, но тут поезд вдруг резко дергается, заставляя ложки и вилки на заламинированном столе застучать, словно кости, и после этого раздается пронзительный гудок паровоза. Рис тут же вскакивает, будто только и ждал повода, и бросается к окну:

— Гляди-ка, мы отправляемся! — Он поворачивается ко мне, его взгляд полон надежды. — Держись, Лондон, мы идем!

3

Меня саму удивляет приступ восторга, который я испытываю, когда поезд начинает медленно ползти вперед, прочь от кардиффского вокзала. Я чувствую себя так, словно в моем сердце взорвалась хлопушка из солнечного света. Я много недель мечтала об этом путешествии, но даже не представляла, как здорово будет *на самом деле* уехать — наблюдать в реальном времени за тем, как место, хранящее столь много свежих и неприятных воспоминаний, растворяется вдали, сменяясь совершенно новыми видами.

Оживившись, я иду вслед за Рисом по мягко покачивающимся вагонам. Движение поезда — не резкое и дерганое, как в тех поездах, к которым я привыкла, а плавное и размеренное. Мы добираемся до царственно-красных интерьеров лаунжа «Кедр», готовясь познакомиться с пассажирами. По вагону плывет уверенный голос Шошанны, а я занимаю свое место рядом с Самирой и с любопытством разглядываю наших гостей.

Улыбающаяся семья из четырех человек — это, должно быть, Чао. Они занимают два стоящих друг напротив друга дивана. Младший ребенок — пухлый розовощекий карапуз — увлечен тем, что гоняет по фарфоровой тарелке кусочки банана. Старший усердно рисует что-то в скетчбуке. Двое состоятельных на вид мужчин с идеально прямыми спинами сидят на плюшевом

диванчике, потягивая шампанское; один из них — с суровым лицом, в плотном шерстяном пальто, с кожаным портфелем на коленях, второй — улыбающийся от уха до уха, одет в ультрамодный неоново-желтый бомбер. По окружающей их атмосфере блаженства я заключаю, что это и есть наши молодожены, Мариотты. За небольшим столиком, позвякивая чашкой о блюдо, восседает мрачная пожилая леди с кричаще красными, практически огненными волосами и в шарфе из чего-то, подозрительно напоминающего мех. Рядом с ней — худощавая девушка-подросток с синими волосами и в футболке Metallica; баронесса и ее племянница. И, конечно, не забываем о лыжниках — которые (довольно невежливо, по моему скромному мнению) вполголоса болтают на протяжении всей приветственной речи.

Не считая пожилой леди и невоспитанных лыжников, остальные выглядят вполне нам по силам. Но я, конечно, рада, что пассажиров немного. С вечно недовольными дамочками в супермаркете я еще могу справиться, но столкнуться с целым поездом богачей-зазнаек было бы слишком. Когда Шош завершает речь, я с энтузиазмом машу младшему ребенку Чао — и с усилием удерживаюсь от гримасы, когда он бросает на меня взгляд и тут же ударяется в рев.

Большинство пассажиров расходятся, как только Шошана заканчивает с объявлениями о времени завтрака и услугах прачечной. Следующий час я провожу обучаясь пользоваться пугающе огромной стальной кофемашиной в небольшом помещении между кухней и вагоном-рестораном. Стопки фарфоровых кофейных чашек угрожающе постукивают у меня над головой в такт движению поезда.

— Как тебе удалось заполучить такую работу совершенно без опыта? — интересуется Самира, в третий раз показывая, как устроена кофемолка. Меня слегка обескураживает ее прямота, но она произносит это с обезоруживающей улыбкой.

— А, ну... творческий подход к составлению резюме. Им, наверное, до зарезу были нужны люди, — вполголоса признаюсь я.

Самира с ухмылкой кивает.

— Без обид, но, думаю, ты права. Несезонный маршрут, едем по задворкам Европы с кучей избалованных богатеев. Да и платят не то чтобы много.

Я смеюсь:

— В каком смысле — по задворкам Европы?

Не сказать чтобы у меня был большой опыт путешествий.

Самира пожимает плечами:

— Я на подобных штуках уже работала. Мы едем не по типичному туристическому маршруту с видами. Ни в каких классных местах не останавливаемся — ни Парижа, ни Берлина, ни Брюгге. По сути, наша задача — сэкономить, пробираясь окольными путями в Таллин, и *вот там* уже начнется настоящее путешествие. Готова поспорить, все нынешние пассажиры купили билеты со скидкой. — Она открывает холодильник внизу, чтобы достать молоко, и качает головой: — Вон, смотри, даже бренды не премиальные. Когда доедем до места, они закупятся по-настоящему.

В целом звучит резонно. И, если честно, меня это более чем устраивает — так меньше требований. Все, что меня волнует, — добраться до Таллина, освободиться, выпорхнуть, как птица из клетки...

В дверном проеме появляется голова Шошанны:

— О господи, сколько можно возиться с одной чашкой кофе? Ужин через пять минут. Ну-ка быстро переоделись в вечернюю форму.

Шошанна сочится напряжением, как контейнер с токсичными отходами, однако ужин проходит гладко. В отличие от вечно торопящихся обитателей супермаркета, где я работала, здесь

все настроены на отдых, расслаблены и дружелюбны. И хотя саундтрек каждого похода на кухню — весьма изобретательные ругательства от шефа, блюда выглядят и пахнут потрясающе. К собственному удивлению, я обнаруживаю, что мне нравится угождать пассажирам. Я приноравливаюсь двигаться в ритме поезда, чтобы меньше задевать бедрами столики; запоминаю, что неформальный мистер Мариотт предпочитает содовую с двумя кусочками лайма и безо льда, а серьезный мистер Мариотт пьет чай с лимоном и без молока. Делаю молочные коктейли со свежей клубникой для детей Чао и восхищаюсь собственным портретом, который нарисовал старший, — в особенности ярко-желтыми винными штопорами, произрастающими у меня из головы. Рису приходится сложнее, чем мне, — я ухмыляюсь, глядя, как он мечется между баром и вагоном-рестораном, подавая лыжникам какие-то мудреные коктейли.

Ужин близится к концу, и я останавливаюсь за стойкой, подперев подбородок рукой, и смотрю в окно. Небо над холмами Уэльса постепенно переходит из оранжевого в серовато-розовый, а в вагонах зажигаются лампы, придавая атмосфере тепло и уют. Слышатся тихое позвякивание приборов и негромкие беседы, а фоном для всего этого служит классическая струнная музыка. После десерта (шоколадно-ореховое парфе, при взгляде на которое у меня бегут слюнки) гости постепенно расходятся небольшими группами — кто-то в свои купе, кто-то к бару, кто-то — отдохнуть с книгой в лаунже, а мы с шеф-поваром приступаем к уборке.

Карлос с угрюмым видом, но терпеливо объясняет мне, как пользоваться посудомоечной машиной, и показывает, куда убирать грязные скатерти, все это время довольно мило жалуясь на то, что не привык к такой работе. Когда мы заканчиваем, я с удовлетворением смотрю на результаты наших

трудов — вагон снова как с картинки, каждая поверхность и каждый стакан блестят и сияют. Моя смена закончена, и я уже чувствую, как болят ноги (ох, зря я надела эти дешевые балетки), я вся пропахла пролитым кофе, но в то же время меня наполняет приятное удовлетворение от хорошо сделанной работы.

Покидая пассажирские вагоны, я чувствую себя так, словно ухожу с бала в самом начале, но я страшно устала, а еще мне поставили утреннюю смену. Вернувшись к себе, я умываюсь в крошечной ванной и переодеваюсь в спортивный костюм, а потом беру книгу и пытаюсь почитать, убеждая себя, что теперь, когда мне действительно есть на что отвлечься, все будет совершенно иначе. Но меня хватает буквально на несколько минут, прежде чем я начинаю чувствовать знакомое беспокойство и вместо книги беру телефон, которым, к счастью, нам запрещено пользоваться в пассажирских зонах.

Я неловкими движениями открываю контакты и смотрю на номер Бекетта и его лицо в маленьком кружочке. Мой палец зависает над кнопкой «Разблокировать». Конечно, я не буду этого делать, я не настолько глупа, но сердце отказывается это принимать, и я ничего не могу поделать с тем, что до сих пор скучаю по некоторым вещам. Например, по обыденному тону сообщений, словно каждое — продолжение одного бесконечного разговора. Без них мой телефон уже несколько месяцев нем, как могила.

Я подпрыгиваю, услышав тихий стук в дверь. Словно меня застали за чем-то неприличным, я прячу телефон под подушку и приоткрываю дверь. В нее заглядывает Рис — знакомый хлопковый запах его дезодоранта странным образом меня успокаивает. Рис неуверенно улыбается.

В ответ я вопросительно поднимаю бровь, припоминая его предыдущие насмешки:

— В чем дело?

Его улыбка слегка бледнеет.

— Просто подумал, вдруг тебе не захочется сидеть одной — еще вроде как рано.

И он правда только это имеет в виду. Рис не способен флиртовать, подкатывать и уж тем более вести себя непристойно. И на самом деле он прав: я действительно не хочу сидеть одна. Я чувствую себя как-то странно, словно зависла между двумя версиями самой себя. Есть та Лара, которой я когда-то была и которой хотела бы стать снова, — та, которую знает Рис. И новая, вечно неуверенная и испуганная, — она знает, что в темноте кроются монстры, и опасается их. Но если мы с ним сумеем преодолеть неловкость, возможно, он сможет помочь мне вернуться к истокам.

Я открываю дверь и делаю приглашающий жест:

— Конечно. Прошу в мои роскошные покои.

Рис фыркает и плюхается на нижнюю полку, чуть не удавившись при этом головой о верхнюю.

— Ага, уютненько. У меня точно так же. — Он бросает взгляд на кучу одежды, вывалившейся из моего чемодана, в числе которой, к моему стыду, застиранный лифчик. — Но, э-э... почище. Как прошла смена?

В его голосе звучит еле заметная нотка беспокойства. Он что, чувствует за меня какую-то ответственность, потому что когда-то показал мне эту вакансию, или что?

— Ну, довольно суматошно, но в целом ничего. Не забывай, я работала в «Макдоналдсе» по вечерам в прошлом году, так что разное повидала. — Я ободряюще улыбаюсь. — Кстати, ты знаешь, что тут есть *библиотека*?

Он ухмыляется в ответ:

— Ясное дело. Ты думаешь, где я сидел в перерыве?

Январь прошлого года

С Рисом я познакомилась, когда мы с отцом переехали из Лондона в небольшой городок неподалеку от Кардиффа. После увольнения отцу стало нечем платить за квартиру, и мы отправились в Уэльс к его родителям. Такая перемена никого особо не радовала, кроме меня — потому что теперь мне больше не приходилось терпеть отцовские перепады настроения в одиночку. Но, хоть ситуация дома и наладилась, в прочих областях моей жизни дела обстояли так себе. Переход в новую школу в шестнадцать — испытание не из легких. В старой школе у меня было много друзей и я неплохо училась, так что поначалу не слишком беспокоилась о социальной жизни. Я думала, после Лондона мне будет легко найти свое место в местечковой школе. Однако оказалось, в «Хифтон Хай» дружеские компании как сложились в первом классе, так с тех пор и не менялись, и, несмотря на природную общительность, я постоянно оказывалась где-то на задворках, и все на меня косились как на «задаваку из Лондона».

Через неделю я бросила попытки заводить с кем-то разговоры и на большой перемене пряталась в библиотеке, чтобы не сидеть в столовой в одиночестве. Я обратила внимание на Риса раньше, чем он на меня. Он был симпатичным, во фланелевой клетчатой рубашке и в очках, с темными, вьющимися на кончиках волосами и постоянно либо с занятым видом расставлял книги, либо что-то объяснял младшим детям мягким мелодичным голосом. Я не раз думала заговорить с ним — у нас было несколько общих предметов, и он казался дружелюбным. Но он излучал эдакую пугающую уверенность в себе — писал контрольные на одни пятерки, так что учителя постоянно шутили, что он должен вести уроки вместо них, и все такое. И, учитывая более чем прохладное отношение ко мне моих соучеников, я опасалась нового отказа.

— Знаешь... Если ты изучаешь тему митохондриального переноса для предмета мистера Каннингса, то эта книга лучше подойдет. Та, которая у тебя, устарела на несколько десятилетий.

Я удивленно подняла голову от тетради и встретила с дружелюбным взглядом его зеленых глаз, в кои-то веки не находя слов.

— Эм... Интересный способ склеить девушку, — наконец ответила я. — И как, обычно работает?

Он покраснел, и мне тут же стало стыдно.

— Мы вместе ходим на биологию... — начал оправдываться он с таким видом, будто жалеет, что вообще открыл рот.

Вспомнив о том, что мне вообще-то очень нужно завести друзей, я заправила волосы за ухо и жестом предложила ему присесть.

— Извини, дурацкая шутка. Ты Рис, верно? Я Лара... новенькая, — добавила я с горечью.

Он кивнул и сочувственно наклонил голову:

— Должно быть, непросто. Мы, кстати, и на историю вместе ходим. Все хотел сказать, что твоя работа о женщинах в Древнем Риме была просто супер.

Ну хоть кому-то понравилось. А то Далила Барнс со своей шайкой только и делали, что ухмылялись и перебрасывались записками во время моего доклада.

Но Рис, похоже, говорил искренне.

— Спасибо. Но с биологией у меня полный провал. — Я показала ему свою тетрадь, в которой не было ничего, кроме рисунков спящих котов.

Он беззаботно пожал плечами:

— Могу тебе с этим помочь... если ты не против, конечно. Я была абсолютно не против.

Я тепло ему улыбнулась:

— О, это было бы здорово на самом деле. Если у тебя получится... э-э... куда-нибудь меня воткнуть. — Это странно прозвучало, да?

— Э, конечно, я найду куда тебя воткнуть. — Он снова покраснел, что было, на мой взгляд, совершенно очаровательно, и улыбнулся в ответ. Искренней, доброжелательной улыбкой. И, глядя на него, я даже подумала, что здесь может оказаться не так уж и плохо.

Рис зевает, возвращая меня в настоящее:

— Как поживает твой папа?

Я отвожу глаза:

— Лучше, спасибо. Бабушка заставляет его ходить на собрания анонимных алкоголиков — то есть в буквальном смысле, она его возит прямо до места. Пока что работает. Трезвый он злой как черт, но лучше уж пусть будет просто злым, чем злым и пьяным вдобавок.

Рис молча кивает и не развивает больше эту тему.

— А у *тебя* как дела? — осторожно спрашиваю я. Мне действительно любопытно.

— Да в целом неплохо, — отвечает он, потягиваясь, и отодвигается к стене, словно прячась от меня. — Как и раньше, репетиторствую и помогаю в кафе. Все по-старому. А у тебя?

Я рассказываю историю о том, как двое десятилеток не давали никому выйти из супермаркета неделю назад, потому что то и дело въезжали на самокатах в стеклянные двери. Он смеется, и мы болтаем еще какое-то время — почти как раньше, не считая того факта, что мы оба старательно обходим молчанием *некоторые темы* и делаем вид, что последних двух месяцев просто не было.

— Ты все так же планируешь добираться домой на перекладных? — интересуюсь я, не глядя ему в глаза.

Он качает головой:

— Не-а, полечу прямым рейсом. Нужно помогать маме в кафе. А ты?

— Ну, пересдачи у меня только в мае, так что я не собираюсь торопиться. Может, в барах поработаю, пораздаю листовки в клубах, пособираю фрукты — короче, все, что под руку подвернется. А в свободное время буду погружаться в местную культуру и познавать запретные радости Евротиндера.

Он хмыкает:

— Евротиндер, серьезно?

Я пожимаю плечами, несколько обиженная его насмешкой, но тут он смотрит мне прямо в глаза, внезапно посерьезнев.

— Я пытался тебе позвонить, после... Ну, ты понимаешь... Но ты меня заблокировала.

Потому что твоя мать заставила меня это сделать. И велела никогда больше с тобой не разговаривать, не подходить к тебе и даже на тебя не смотреть. А если я когда-нибудь случайно с тобой столкнусь, отвернуться и пойти в другую сторону.

Но я этого, конечно, не говорю.

— Я... я тебе написала.

— Знаю. Я видел.

Между нами мрачной тенью повисает молчание. Снаружи уже совсем стемнело, и поезд, постукивая колесами, катится по однообразной зелени уэльских долин, а в окно тоскливо скребутся по-зимнему голые ветки.

Я вздыхаю.

— Рис, а давай мы... не будем об этом говорить? По крайней мере не сейчас, ладно? Сегодня был сложный день...

Он кивает, не отводя от меня искреннего взгляда, и я пристыженно смотрю в сторону.

— Без проблем. Извини, не стоило спрашивать. — Он встает. — Я лучше пойду. Спокойной ночи, Ла.

4

Я просыпаюсь с ощущением тяжести, которая бывает, когда вынырываешь из очень глубокого сна, не до конца понимая, где вообще находишься.

Через несколько мгновений я наконец вспоминаю, что я в поезде. Тогда мне удастся сообразить, что мы стоим, и именно это послужило причиной моего недоумения. Когда я засыпала, вагон ритмично покачивался, словно колыбель, но сейчас все неподвижно. В моем купе совершенно темно, значит, утро еще не наступило.

Почему мы остановились?

Я сажусь на полке и тут же бьюсь головой об потолок, нецензурно выражаясь. Одновременно с этим поезд словно держится на месте, подаваясь сперва вперед, потом назад, и снова застывает.

Да, мы совершенно точно не едем.

Странно. Шошанна же говорила, что первая остановка будет в Лондоне. Мы что, уже там? Судя по тому, как мы еле-еле ползли по рельсам весь вечер, я в этом сильно сомневаюсь. Может, что-то сломалось? Боже, надеюсь, мы ни во что не врезались! Я, конечно, крепко сплю, но вряд ли могла проспать такое. Или могла?..

Я аккуратно слезаю с полки, на случай если поезд снова дернется, раздвигаю шторы на окне и выглядываю наружу.

Что ж, Лондон точно можно исключить — над поездом нависают густые зеленые ветки, а в небе совершенно не видно типичного для города светового следа. Похоже, мы стоим на какой-то станции глубоко в провинции. Я могу различить бетонную платформу с желтой ограничивающей линией у края, залитую слабым светом фонарей. В нескольких футах — будка кассы, окна на ней зарешечены, со стен отслаивается краска, внутри — крошечная темнота. Кажется, закрыто — то ли до утра, то ли, судя по состоянию сооружения, до лучших времен. Чуть дальше вдоль платформы я вижу над путями ржавеющий пешеходный переход. Пытаюсь разглядеть название станции, но на табло, где оно должно быть, — загадочная пустота. Сами табло на месте, но они ничего не показывают — ни слов, ни цифр, вообще ничего.

Ладно, вот это довольно странно.

Я беру телефон, который заряжается на нижней полке. Поезд тем временем продолжает пьяно покачиваться взад и вперед. К счастью, мы вроде бы все-таки не сошли с рельсов. В поезде тихо и спокойно, и теперь, наконец достаточно проснувшись, я осознаю, что все это напоминает: так бывает, когда прицепляют или отцепляют вагоны. Взглянув на часы, я обнаруживаю, что сейчас три утра — не самое логичное время для остановки.

Зевнув, я открываю гугл-карты и жду, пока они загрузятся: связь тут не очень быстрая. Как я и думала, мы стоим в нескольких часах езды от Лондона; но и до ближайшего города тоже далеко. На карте поезд выглядит просто голубым пятнышком в море зелени — и, что интересно, никакой станции на ней нет.

Я снова изучаю закрытый вокзал и древний пешеходный переход — и понимаю, что мы, судя по всему, стоим на *заброшенной*